**УКРАИНСКИЙ
Вадим
Николаевич**

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**UKRAINSKY
Vadim
Nikolaevich**

Ph.D. in economics,
research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

УДК 332 + 35

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМ
РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

В работе на примере ряда европейских стран рассматриваются некоторые характерные черты национальных систем регионального управления и развития. Внимание фокусируется на диалектическом сочетании стабильных и изменчивых компонентов рассматриваемых систем.

Региональное развитие, институты, территориальное управление, регионы, зарубежный опыт

**FORMATION OF REGIONAL DEVELOPMENT
SYSTEMS: FOREIGN EXPERIENCE**

Some characteristic features of national systems of regional governance and development are discussed in the article on the example of a number of European countries. Attention is focused on the dialectic combination of stable and variable components of the considered systems.

Regional development, institutions, territorial governance, regions, foreign experience

© Украинский В.Н., 2018

В настоящей работе мы ограничимся анализом опыта «передовых» промышленных – так называемых развитых – стран и оставим в стороне «опыты» развивающихся стран (последние, как правило, выступают в этом отношении откровенными эпигонами).

Указанный опыт крайне обширен и разнообразен¹ ввиду ярко себя проявляющей национальной специфики сложившихся в разных странах систем управления региональным/локальным экономическим развитием, другими словами – наборов соответствующих институтов и организаций и системы связей между ними.

Р. Фрайд свой обзор опыта послевоенной Италии в области регионального планирования начал следующим пассажем: «Анализ регионального планирования в Италии затруднён вследствие того, что этот феномен является и многообразным, и аморфным. Существовал не какой-то чётко индивидуализированный, дискретный феномен, скорее было разнообразие форм, институтов, методов и намерений. Существовало несколько конкурирующих форм регионального планирования, несколько конкурирующих институциональных организаторов регионального планирования, несколько конкурирующих понятий регионального планирования и несколько конкурирующих групп региональных планировщиков. ... Второе качество – аморфность – обусловлено тем фактом, что большая часть итальянского регионального планирования скорее представляет собой намерения, а не реальность и состоит из предлагаемых схем (часто в форме законопроекта) или пока ещё не реализованных конституционных положений, а не принятой, продолжающейся институциональной практики» [7, р. 695].

Если первую характеристику – многообразие – можно в настоящее время применить не только к Италии, но и ко всей глобальной картине, отражающей проблемную область под условным названием «региональное развитие», то вторая – аморфность – применима, пожалуй, только к самым последним новшествам в этой сфере, поскольку многочисленные попытки по «улучшению» региональных экономик, предпринимавшиеся в тех или иных странах, уже давно стали частью истории. Поэтому из этого опыта можно попытаться извлечь что-то полезное.

Например, Р. Прюдомм, подводя итог своему анализу первых послевоенных упражнений в области региональной политики во Франции, определил в качестве ошибочных три «стратегических выбора»:

1. Акцент был сделан на крупные фирмы, а не на малые или средние предприятия (хотя были основания полагать, что крупная фирма просто путём размещения одного из своих подразделений в конкретном регионе не сильно поспособствует его развитию).

2. Усилия были сосредоточены на числе создаваемых рабочих мест, а не их типе (в результате многие предприятия, созданные в западной Франции, просто использовали на производстве неквалифицированную и низкооплачиваемую рабочую силу).

3. Усилия были направлены на развитие промышленности, а не сферы услуг (при росте значимости сектора услуг в экономике это едва ли могло привести к уменьшению гипертрофии в географии экономической активности, обусловленной доминированием Парижа, и не сделало этого) [14, р. 63].

Изучение перечня означенных ошибок наводит на серьёзные размышления относительно эффективности многих российских проектов, нацеленных на развитие региональных экономик, в том числе экономики Дальнего Востока (например, посредством нашествивших ТОСЭР).

¹ По этой причине мы не будем детально рассматривать опыт отдельно взятых стран (тем более что соответствующих обзорных работ опубликовано за рубежом достаточно много) и ограничимся лишь примерами, иллюстрирующими некоторые аспекты политики регионального развития других стран.

В этой связи уместным будет также привести всего лишь два замечания (из более широкого набора), высказанных Г. Ричардсоном в адрес региональной политики, которая реализовывалась в Испании в 1960-е гг.:

1. Ориентация при предоставлении инвестиционных субсидий (*subventionés*) – одного из основных инструментов испанской региональной политики того времени – исключительно на крупные проекты: даже если крупные фирмы и выступили бы главными генераторами развития в создаваемых полюсах¹, то малые и средние фирмы всё равно были бы необходимы в качестве вспомогательных предприятий [15, p. 718].

2. Населённые пункты получали статус полюсов на достаточно ограниченный срок (5–8 лет), после чего фирмы лишались субсидиарной поддержки. Относительно этого Г. Ричардсон высказал следующее вполне обоснованное сомнение: «Но полюс – это нечто большее, чем отдельная фирма или отрасль, нуждающаяся в небольшой начальной помощи. Это – центр растущей популяции и сильно взаимосвязанных видов экономической деятельности, способный к самоподдерживающемуся росту, и сомнительно, может ли импульс для этого быть создан за пять или шесть лет» [15, p. 722].

В качестве иллюстрирующих очевидные различия во внутригосударственном устройстве примеров возьмём четыре соседствующие друг с другом европейские страны: Францию, Италию, Великобританию и Испанию².

Административная система Франции отличается многоуровневой иерархией. Административными единицами высшего уровня являются регионы, нижнего – многочисленные коммуны (общее количество которых превышает 36 000). Промежуточные уровни включают департаменты, округа и ряд других позиций³. Каких-то значимых отклонений от этой чёткой иерархической схемы, во многом являющейся наследницей рационализаторских усилий деятелей Великой французской революции, нет.

На первый взгляд, административное устройство в Италии очень похоже на французское. «Наверху» также находятся регионы, «внизу» – коммуны. Промежуточный уровень занимают провинции и метрополитенские ареалы⁴. Однако есть и весьма любопытные отличия. Если среди французских регионов особняком рассматриваются только так называемые заморские территории, то в Италии на региональном уровне выделяется два вида единиц – обычные регионы (*regioni a statuto ordinario*) и регионы с особым статусом (*regioni a statuto speciale*), причём в одном из последних (Трентино – Альто-Адидже) административные функции сосредоточены в двух составляющих регион автономных провинциях – Тренто и Больцано⁵.

Великобритания⁶ (или Соединённое Королевство) является в некотором роде унитар-

¹ В 1960-е гг. в Испании начала реализовываться политика поляризованного развития. В частности, выделялось два типа полюсов – «полюса развития» (*polos de desarrollo*) и «полюса промышленного развития» (*polos de promoción industrial*), одним из отличий которых был размер упомянутых субсидий, предоставляемых фирмам.

² Анализ ситуации в области так называемого пространственного планирования (того, что в российской практике относится к территориальному планированию и решению вопросов землепользования), в том числе на уровне институционального обеспечения, по более широкому перечню стран выполнен в хорошей обзорной работе Г. Ларссона [12].

³ Например, кантоны, на которые разбиваются округа и которые, в свою очередь, включают в себя несколько коммун, в настоящее время используются исключительно как электоральные единицы.

⁴ Общее представление о системе итальянского государственного управления можно получить из схемы, составленной М. Данфордом и Л. Греко [5, p. 109].

⁵ То есть в Италии используется весьма специфическая версия «иерархической матришки». Впрочем, после конституционной реформы 2001 г. различия в правовом статусе двух типов регионов сократились.

⁶ Великобритания – это первая страна, в которой стала разрабатываться (с начала 1930-х гг.) региональная по-

ным государством, но при этом включает в свой состав четыре страны (Англию, Уэльс, Шотландию и Северную Ирландию¹) и имеет три законодательные системы (Англия и Уэльс имеют одно законодательство). Такое государственное устройство уже служит залогом значительных различий в «институциональном контексте» регионального управления. При этом выделяемые «плановые» регионы не имеют собственных органов управления. В Англии национальные министерства обеспечивают себе «региональное присутствие» посредством региональных отделений. В Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии имеются свои национальные министерства, располагающие в соответствующих странах своими региональными офисами. В зависимости от района используется тот или иной тип структуры местного самоуправления. В метрополитенских ареалах Англии, Уэльса, островных районах Шотландии и Северной Ирландии существует унитарная структура (например, в лондонских районах). Остальная часть Англии и Шотландии имеет двухуровневую систему, состоящую из высших советов графств (в Шотландии – региональных советов) и нижестоящих советов округов².

До 1978 г. Испания была унитарным и централизованным государством, когда, по сути, приобрела федеративные черты. Страна состоит из 17 автономных сообществ (*comunidades autónomas*) и двух автономных городов (*ciudades autónomas*)³. В силу своего «автономного» статуса правительства сообществ (названия этих органов власти варьируются от региона к региону) обладают значительной административно-политической властью – лишь некоторые вопросы находятся в исключительной компетенции национального правительства. Дальше страна подразделяется на провинции (*provincias*), округа (*comarcas*) и муниципалитеты (*municipios*).

Пример двух автономных сообществ – Каталонии и Галисии – достаточно хорошо иллюстрирует ситуацию, когда два региона, обладающие одинаковым формальным статусом⁴, могут иметь значительные различия в моделях экономического развития. Как отмечает М. Китинг, «некоторые из ... различий связаны с такими объективными факторами, как размещение и отраслевая структура. Другие обусловлены культурой и её использованием. В первую очередь существуют ключевые отличия в том оригинальном пути, которым регион создаётся и воссоздаётся политическими и социальными элитами. В этих регионах нет неизменной культуры, застывшей во времени, они оба адаптируются своими собственными способами к новым внешним и внутренним воздействиям» [11, р. 221]. Другими словами, различия в направлениях и способах развития двух регионов во многом обусловлены различиями в комплексе региональных институтов: «Эти примеры показывают значимость институциональных механизмов. Оба региона имеют схожие формальные структуры власти..., однако институционализация принимает различные формы. Клиентелизм в Галисии подкреплён партийной системой, административной структурой и деформированной моделью политической конкуренции. Институциональное строение в Каталонии приняло другую форму, представляя собой больший разрыв со старым режимом и испанскими государственными практи-

литика. В некоторых направлениях последней «англичане были разработчиками большинства практик, которые с некоторыми вариациями развивались во многих странах» [3, р. 234].

¹ Последние три страны «исторически пользовались большей автономией, чем ... английские регионы. ... Институциональный контекст является необходимым фоном для любой дискуссии относительно регионального планирования и развития в этих трёх странах» [8, р. 105].

² Помимо всего прочего, «существует также множество приходов и советов общин, которые, однако, играют очень ограниченную роль в системе планирования» [12, р. 255].

³ Последние – Сеута и Мелилья – располагаются на Африканском континенте.

⁴ Можно также отметить, что указанные регионы представляют две из трёх «исторических национальностей» Испании.

ками, хотя оно и не полностью освободилось от клиентелистских элементов» [11, р. 231].

Банальный на первый взгляд вопрос об административно-территориальном устройстве государств на самом деле выводит на весьма нетривиальную проблему, касающуюся самой природы региональной политики, её «конституции». Ведь при наличии множества административных единиц, набора уровней управления и, более того, «своих» наборов органов управления на многих уровнях невозможно получить простую картину того, что собой представляет региональная политика. Простые рецепты¹ здесь вряд ли применимы.

Например, Ф. Айдало в своё время выделил на шести уровнях – от муниципального до национального – более двух десятков типов акторов², которые задействованы в так называемом «территориальном управлении» (*l'aménagement du territoire*) во Франции [3, pp. 241–242]. Дж. Глассон и Т. Маршалл в системе регионального планирования в Великобритании выделяют пять уровней, включая уровень Европейского союза (наднациональный) и межрегиональный [8, pp. 22–24].

Добавление наднационального уровня (что в условиях современного уровня глобализации весьма актуально) ещё больше усложняет анализ региональных политик, тем более что воздействие наднациональных регуляторов может быть в ряде случаев очень значительным. В частности, достаточно радикальные изменения начала-середины 1990-х гг. в региональной политике Италии произошли во многом благодаря влиянию «наднационального» фактора в лице ЕС: «...изменения в системах стимулирования и переход от политики, разрабатываемой «сверху-вниз», к политике, разрабатываемой «снизу-вверх», происходили, поскольку финансирование ЕС становилось всё более и более важным для итальянской региональной политики» [5, р. 120]. Одним из парадоксальных результатов соответствующих реформ было существенное изменение географии региональной помощи, когда в число депрессивных³ попали северные и центральные районы страны, намного более богатые и промышленно развитые, нежели южные [5, pp. 117–118].

Необходимость решать вопросы эффективной организации вертикальной координации между органами власти разных уровней среди прочего вызывает к жизни новые институты. Например, один из законов 1996 г., принятый в рамках реформирования региональной политики в Италии, был нацелен на реализацию идеи так называемого «договорного планирования» (*Programmazione negoziata*). Для внедрения последнего предусматривался целый ряд инструментов:

- плановое институциональное соглашение (*Intesa Istituzionale di Programma*) – соглашение между центральным правительством и региональным или местным правительством, необходимое для реализации проектов, требующих совместного финансирования;
- территориальный пакт (*Patto Territoriale*), предполагающий социальное партнёрство между локальными институтами, работодателями и организациями, представляющими интересы работников, и нацеленный на локальное развитие;
- районный контракт (*Contratto d'Area*), который поощряет размещение в ареалах, затронутых деиндустриализацией и безработицей, новых производств и создание новых рабо-

¹ «...Можно классифицировать государственную региональную политику на два типа – общесистемную и селективную» [2, с. 27].

² Поскольку на нижестоящих уровнях, представленных большим количеством административных единиц (особенно на муниципальном), может встречаться сразу несколько «управляющих» акторов, то общее число последних измеряется соответственно десятками тысяч. Конечно, индивидуальный вклад большинства из них в экономическое развитие невелик, однако игнорирование их общей массы было бы ошибочным.

³ Вместо национальных критериев для определения депрессивных регионов начала использоваться соответствующая «система координат», установленная ЕС.

чих мест и содержит среди прочего обязательства локальных органов власти по упрощению и ускорению административных процедур;

– плановый контракт (*Contratto di Programma*), заключаемый между итальянским министерством финансов и либо крупной промышленной фирмой, либо консорциумом малых и средних предприятий, либо институцией, представляющей, например, промышленный округ, с целью реализации проектов, предполагающих промышленные инвестиции, научно-исследовательскую деятельность и обучение персонала [5, р. 119].

Итальянский случай не является исключительным. Итальянцы шли уже по в какой-то мере проторенному пути: во Франции плановые контракты между государством и регионами (*les contrats de plan État-région*, CPER)¹ начали заключаться после реформы 1982 г.

Наличие же на одном уровне управления сразу нескольких типов акторов обуславливает необходимость эффективной горизонтальной координации, что делает процесс выработки региональных политик «многослойным» (*multi-layered process*). В частности, в Англии в 1990-е гг. на уровне регионов сформировался своеобразный триумvirат организаций, состоящий из региональных ассамблей, региональных агентств развития и региональных правительственных офисов, то есть «всех институций, которые могли бы наложить вето на любой региональный план» [8, р. 51]. При этом характер институционализации взаимодействий «по горизонтали» может существенно варьироваться. Например, межмуниципальное сотрудничество в Европе может принимать форму политических сетей (*policy networks*), формальных соглашений (*formal agreements*) либо, наконец, постоянно действующих организаций (*standing organisations*) [10, pp. 218–220].

Несмотря на существенные различия в национальных системах управления региональным/локальным развитием, обозревателями отмечаются некоторые общие черты в их эволюции, протекающей в русле децентрализации (переход от управления «сверху-вниз» к моделям «снизу-вверх»)².

Пожалуй, один из наиболее устойчивых и инертных компонентов национальных систем регионального управления – это сетки административно-территориального деления. Во всяком случае, некоторые внутригосударственные территориальные образования могут не изменять своих границ (как и названий) на протяжении многих десятилетий и даже столетий³.

Модификация же административно-территориальной системы может растягиваться на долгие годы. Например, во Франции регионы как объекты управления (изначально в виде так называемых «программных регионов» – *les régions de programme*), созданные в середине 1950-х гг.⁴, стали полноценными административными единицами лишь благодаря начатой в 1982 г. политике децентрализации. Другими словами, процесс институционализации и укрупнения нового уровня⁵ в существующую систему управления занял более четверти

¹ В 2006 г. такого рода соглашения получили новое название – «проектный контракт между государством и регионом» (*le contrat de projets État-région*). В 2014 г. было возвращено прежнее наименование.

² См., например, [13, pp. 133–134].

³ Такая «законсервированность» не должна сильно удивлять, ведь многие границы, разделяющие те или иные территории внутри государств (как и отделяющие последние от соседних держав), появились в результате длительного исторического процесса.

⁴ В тот период времени ни о какой децентрализации власти речи не шло: «создание регионального эшелона административной власти для целей «регионального планирования» означало попытку улучшить горизонтальную координацию подразделений национальной администрации регионального уровня» [16, р. 740].

⁵ В частности, в эпоху «программных регионов» для передачи на региональный уровень плановых функций существовали различные препятствия: отсутствие на местах необходимых компетенций, ориентация локальных элит на более привычные департаменты, а не на существовавшие по сути только на бумаге «регионы» и т.д.

века¹. Новая же схема территориального деления, предполагающая сокращение общего числа регионов в метрополии с 22 до 13 за счёт укрупнения некоторых регионов, вступила в действие 1 января 2016 г. То есть региональная сетка без существенных изменений просуществовала порядка 60 лет².

Впрочем, «привязанный» к иерархии административных единиц того или иного государства комплекс институтов и институций может подвергаться многочисленным (и иногда весьма частым) изменениям.

Например, в рамках немногим более чем тридцатилетнего периода (1950–1982 гг.) Ф. Айдало выделил почти два десятка «институциональных этапов» в области французского территориального управления. Другими словами, раз в несколько лет появлялось достаточно значимое новшество (особо «урожайным» в этом отношении был 1955 г.) [3, р. 241].

Г. Кэмерон, используя метафору, нарисовал весьма уничижительный портрет начала 1970-х гг. попыткам решения проблем регионального развития в Великобритании: «История региональной политики в Соединённом Королевстве скорее напоминает историю человека с воспалённым аппендиксом. Время от времени он испытывает острую боль и вынужден принимать горсть лекарств. Хотя его состояние улучшается, он никогда не знает точно, какие лекарства (по отдельности или в сочетании друг с другом) действительно помогли. По крайней мере, он может забыть о своём дискомфорте и обратить своё внимание на другие более неотложные дела. Затем, к сожалению, его боль возвращается. На этот раз он меняет дозировку и поспешно добавляет несколько новых лекарств в курс своего лечения. Новая комбинация, похоже, работает, и он снова уверен, что проблема решена. К сожалению, разочарование не за горами» [4, р. 65].

Эта безрадостная на первый взгляд картина не должна восприниматься как свидетельство присутствия некоего имманентного «зла» в системе регионального управления отдельно взятого государства.

Для сферы политики в целом характерны многочисленные флуктуации, вызванные самыми разнообразными факторами. Например, вполне понятной является смена политического курса в связи с приходом к власти «очередной» политической партии, придерживающейся иногда диаметрального противоположного взгляда (что также не удивительно для стран с давними традициями представительной демократии) на решение региональных проблем³.

Также нужно учитывать, что политики регионального развития подвержены различным «модным поветриям», которых не избегают многие страны. Пожалуй, первым из подобных было распространение в глобальном масштабе концепции полюсов роста (1960-е – 1970-е гг.). Схожим образом в последние два десятилетия обстоит дело с кластерной концепцией. Впрочем, и полюса роста, и кластеры нигде, пожалуй, не повлияли радикально на базис национальной системы регионального/локального развития, оставаясь всего лишь одним из инструментов, пусть и важным.

Неудивительно поэтому, что «региональные планы были в основном продуктом парижских чиновников» [16, р. 734].

¹ При этом дискуссии по поводу многочисленных (несколько десятков) проектов регионального членения территории Франции начались ещё в середине XIX в., за столетие до начала внедрения системы территориального управления в 1950-е гг. (подробнее об этом см., в частности, [6, pp. 379–393]).

² Сетка регионов в Великобритании также многие десятилетия не претерпевала изменений (вплоть до относительно недавнего расширения границ «Большого Лондона»).

³ Например, как минимум в первые десятилетия после Второй мировой войны в региональной политике Великобритании работал достаточно характерный «маятник»: «...Постоянная черта английской региональной политики – чувствительность к чередованию правительств: разрабатываемая лейбористскими правительствами политика всегда «ампутировалась» правительствами консерваторов...» [3, р. 233].

Впрочем, более значимым является то, что многочисленные и частые изменения в сфере региональной политики могут объясняться самой ситуативной природой управления (не суть в данном случае важно, идёт ли речь о государственном, региональном или муниципальном управлении). Другими словами, органы власти разного уровня, принимающие участие в создании комплекса «региональных» решений, во многих случаях находятся под диктатом определённой ситуации¹.

Достаточно наглядной иллюстрацией здесь могут служить изменения, которые происходят не в весьма устойчивой, как отмечалось выше, «основной» сетке административно-территориального деления, а в сетке специальных районов (территорий), которые время от времени становятся объектом особого внимания государств. Например, с 1953 по 1982 гг. в Великобритании карта таких районов несколько раз радикально перекраивалась [9, р. 89]. После 1982 г. в сетке специального районирования этой страны также происходили значительные изменения, и они наверняка будут происходить в будущем.

Ситуационный характер изменений проявляется и в наборе институтов регионального развития и соответствующих им организаций. В той же Великобритании уже упоминавшиеся выше агентства регионального развития (regional development agencies, RDAs), созданные в 1998 г. на территории Англии, в связи с «проблемами» государственного бюджета в 2012 г. были ликвидированы.

Подводя итог нашему краткому экскурсу в зарубежные «упражнения» в области создания систем регионального развития, остановимся на их прикладной значимости (конечно, не в обязательном качестве эталона) для реализации тех или иных начинаний в соответствующей сфере в нашем отечестве. Во-первых, проводимые в жизнь решения, направленные на развитие российских регионов, должны «садиться на подготовленную почву», то есть учитывать особенности сложившейся ранее системы регионального управления и имеющихся институтов регионального развития. В противном случае (например, значимых инноваций в системе) можно ожидать, как минимум, отложенных во времени результатов: процесс перехода системы к новому состоянию может быть весьма продолжительным. Во-вторых, в систему регионального развития ещё на этапе проектирования должны закладываться элементы, придающие ей достаточную степень гибкости.

Список литературы

1. Кунц Г., О'Доннел С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. Т. 1. М.: Прогресс, 1981. 496 с.
2. Леонов С.Н., Сидоренко О.В. Зарубежный опыт регионального управления. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2011. 144 с.
3. Aydalot P. Economie régionale et urbaine. Paris: Economica, 1985. 495 p.
4. Cameron G.C. Regional Economic Policy in the United Kingdom // Public Policy and Regional Economic Development. The Experience of Nine Western Countries. Ed. by N.M. Hansen. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company, 1974. Pp. 65–102.
5. Dunford M., Greco L. After the Three Italies: Wealth, Inequality and Industrial Change. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. 371 p.
6. Fischer A. L'émergence contemporaine de la région dans la planification territoriale en France // Regional Question in Europe. Ed. by G. Gorzelak, B. Jałowiecki. Warsaw: European Institute for Regional and Local Development, 1993. Pp. 379–393.

¹ «Именно в этом и заключается сущность администрирования и управления – применение знаний к существующим реальностям для достижения желаемых результатов» [1, с. 62].

7. Fried R.C. Administrative Pluralism and Italian Regional Planning // *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 695–711.
8. Glasson J., Marshall T. *Regional Planning*. Abingdon: Routledge, 2007. 336 p.
9. Hall P., Tewdwr-Jones M. *Urban and Regional Planning*. 5th ed. Abingdon: Routledge, 2011. 297 p.
10. Hulst R., van Montfort A. Comparative Analysis and Conclusions // *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. Ed. by R. Hulst, A. van Montfort. Dordrecht: Springer, 2007. Pp. 211–238.
11. Keating M. Rethinking the Region: Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia European // *Urban and Regional Studies*. 2001. Vol. 8. № 3. Pp. 217–234.
12. Larsson G. *Spatial Planning Systems in Western Europe: An Overview*. Amsterdam: IOS Press, 2006. 282 p.
13. Pike A., Rodríguez-Pose A., Tomaney J. *Local and Regional Development*. Abingdon: Routledge, 2006. 326 p.
14. Prud'homme R. Regional Economic Policy in France, 1962–1972 // *Public Policy and Regional Economic Development. The Experience of Nine Western Countries*. Ed. by N.M. Hansen. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company, 1974. Pp. 33–63.
15. Richardson H.W. Regional Development Policy in Spain // *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 712–726.
16. Ross G.W., Cohen S.S. The Politics of French Regional Planning // *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 727–750.

References

1. Koontz H., O'Donnell C. *Management: A Systems and Contingency Analysis of Managerial Functions*. Vol. 1. Moscow, 1981. 496 p. (In Russian)
2. Leonov S.N., Sidorenko O.V. *Foreign Experience of Regional Management*. Khabarovsk, 2011. 144 c. (In Russian)
3. Aydalot P. *Regional and Urban Economics*. Paris: Economica, 1985. 495 p. (In French)
4. Cameron G.C. Regional Economic Policy in the United Kingdom. In: *Public Policy and Regional Economic Development. The Experience of Nine Western Countries*. Ed. by N.M. Hansen. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company, 1974. Pp. 65–102.
5. Dunford M., Greco L. *After the Three Italies: Wealth, Inequality and Industrial Change*. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2006. 371 p.
6. Fischer A. The Contemporary Emergence of the Region in Territorial Planning in France. In: *Regional Question in Europe*. Ed. by G. Gorzelak, B. Jałowiecki. Warsaw: European Institute for Regional and Local Development, 1993. Pp. 379–393. (In French)
7. Fried R.C. Administrative Pluralism and Italian Regional Planning. In: *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 695–711.
8. Glasson J., Marshall T. *Regional Planning*. Abingdon: Routledge, 2007. 336 p.
9. Hall P., Tewdwr-Jones M. *Urban and Regional Planning*. 5th ed. Abingdon: Routledge, 2011. 297 p.
10. Hulst R., van Montfort A. Comparative Analysis and Conclusions. In: *Inter-Municipal Cooperation in Europe*. Ed. by R. Hulst, A. van Montfort. Dordrecht: Springer, 2007. Pp. 211–238.
11. Keating M. Rethinking the Region: Culture, Institutions and Economic Development in Catalonia and Galicia European. *Urban and Regional Studies*. 2001. Vol. 8. No. 3. Pp. 217–234.
12. Larsson G. *Spatial Planning Systems in Western Europe: An Overview*. Amsterdam: IOS Press, 2006. 282 p.
13. Pike A., Rodríguez-Pose A., Tomaney J. *Local and Regional Development*. Abingdon: Routledge, 2006. 326 p.

14. Prud'homme R. Regional Economic Policy in France, 1962–1972. In: *Public Policy and Regional Economic Development. The Experience of Nine Western Countries*. Ed. by N.M. Hansen. Cambridge, MA: Ballinger Publishing Company, 1974. Pp. 33–63.
15. Richardson H.W. Regional Development Policy in Spain. In: *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 712–726.
16. Ross G.W., Cohen S.S. The Politics of French Regional Planning. In: *Regional Policy: Readings in Theory and Applications*. Ed. by J. Friedmann, W. Alonso. Cambridge, MA: The MIT Press, 1975. Pp. 727–750.

Для цитирования:

Украинский В.Н. Формирование систем регионального развития: зарубежный опыт // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 1. С. 31–40. DOI: [10.14530/reg.2018.1.31](https://doi.org/10.14530/reg.2018.1.31)

For citing:

Ukrainsky V.N. Formation of Regional Development Systems: Foreign Experience. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 1. Pp. 31–40. (In Russian) DOI: [10.14530/reg.2018.1.31](https://doi.org/10.14530/reg.2018.1.31)